

ОГЛАВЛЕНИЕ

«Что наша жизнь? — Игра!» (Вместо предисловия)	4
Языковое Зазеркалье	12
«Без грамматической ошибки я русской речи не люблю...»	33
Жизнь и приключения слова	76
Сегодня — это завтра вчера	116
«Синтаксис домики строит не те...»	138
О контексте, диалоге и принципе кооперации	173
«Язык создает мир» (у истоков фанталингвистики)	208
История и уроки одной забавы	252
Этимологический словарь	283
Избранная литература по вопросам языковой игры и языкового юмора	338

«ЧТО НАША ЖИЗНЬ? — ИГРА!» (Вместо предисловия)

«Игра на гранях языка» — выражение из поэмы выдающегося русского поэта Николая Заболоцкого «Рубрук в Монголии». Его следует понимать так: язык многогранен, и подобно тому как самоцветный камень своими гранями переливается и вспыхивает неожиданно под лучами света, так и языковую единицу человек может заставить «заиграть». В слове или предложении вдруг появляются новые оттенки значения, которые вызывают глубокие ассоциации, порождают сложный смысл... И об этом пойдет речь в книге. О богатстве нашего языка, о его творческом потенциале, над которым мы редко задумываемся. О тех точках, в которых сходятся интересы специалиста-филолога и рядового, обычного «носителя языка». Играть на гранях языка, таким образом, — значит обнаруживать в языке новые и новые возможности передачи мысли и чувства.

Но слово «границы» вызывает в нашем сознании и другие ассоциации. Грань — это ведь не только «плоскость», «сторона многогранника», это еще и «граница», «линия раздела». Мы говорим: *на грани возможного, перейти грань, оказаться за гранью...* В таком случае *играть на гранях* значит «балансировать», «ходить по этой острой грани, стараясь не сорваться». Или еще: оставаться по эту сторону, хотя уже отчетливо видна та сторона... И в этом — вторая задача книги: показать, как язык действует в ситуации, близкой к запредельной, когда нарушить правило «нельзя, но очень хочется». Когда же это бывает? Ну, например тогда, когда человеку нужно не столько сообщить что-то другому человеку, сколько обратить на себя внимание, произвести эффект, «поиграть» словом.

Скажем сразу: грани языка не так уж остры. Это значит, что языковые предписания и запреты — не то что правила дорожного движения, где все ясно: или нарушил, или нет. Или главная дорога, или второстепенная. В языке мы ежедневно и ежечасно сталкиваемся с ситуациями, когда невозможно однозначно ответить на вопросы: можно так сказать или нельзя? Так говорят или нет? Это правильно или неправильно? Правда, есть люди (и среди них

нередко попадают редакторы и школьные учителя), которые полагают, что в языке все твердо установлено, для каждого факта существует своя рубрика, свое правило. И если он, этот человек, данного правила не знает, то надо просто спросить у человека более сведущего, заглянуть в «полные списки, хранящиеся в недоступных для профана местах, у жрецов грамматической науки» (это цитата из статьи «Объективная и нормативная точка зрения на язык» замечательного русского лингвиста А.М. Пешковского), — уж там-то, в этих скрижалях, наверняка содержится окончательная истина... Ну что можно сказать о сторонниках такой точки зрения? Наверное, это счастливые люди: у них на все есть ответ. А может быть, им просто надо работать в ГАИ? Потому что сам язык — совсем иной природы. Его правила не жестки (хотя бы потому, что всегда предусматривают какие-то исключения), границы его классов размыты (в математике такие классы называются нечеткими множествами), его предписания имеют характер вероятностных рекомендаций (это выглядит примерно следующим образом: «лучше так, чем этак», «скорее это, чем то»). Иными словами, у говорящего человека всегда есть выбор: сказать так или иначе. Но вся штука в том, что человек часто выбирает как раз не самый простой и естественный вариант.

К примеру, вместо того чтобы кому-то просто сказать: «До свидания», он может выразиться витиевато: «Привет родителям!» или «Пишите письма!» (вовсе не имея в виду ни конкретных папу-маму, ни — на самом деле — писание писем). Вместо того чтобы поинтересоваться, допустим: «Чья это книга?», спросит: «Чей туфля?» — и сам же ответит: «Мое». Вместо нормального, полагающегося в том или ином контексте слова *качество* скажет «качество» (и «количество»), вместо *убийца* — «убивец», вместо *эпопея* — «опупея», вместо *мест нет* — «местов нет» (хорошо сознавая, что «так сказать нельзя»). Зачем все это, спрашивается? По-видимому, говорящий рассчитывает на какой-то эффект, на какое-то вознаграждение за свои речевые усилия, за риск, связанный с нарушением правил.

Все приведенные примеры — это многообразные проявления языковой игры, сложного феномена, которому посвящена данная книга. Что же такое языковая игра? Это использование язы-

ка в особых — эстетических, социальных и т.п. — целях, при котором языковая система наилучшим образом демонстрирует свою «мягкость»: языковые единицы, их классы и правила их функционирования получают тут бóльшую степень свободы по сравнению с иными речевыми ситуациями.

Вообще, игра — чрезвычайно важный вид человеческой деятельности. Не надо думать, что она сводится к периоду детства, к возне в песочнице или беготне в пятнашки. Человек играет всю свою сознательную жизнь. Более того, можно сказать, что игра древнее, чем сам человек: ведь играют и животные. Кошка балуется с клубком ниток, собаки изображают борьбу друг с другом... Для них это забава. А что человек? При помощи игры он оттачивает наблюдательность, тренирует память, набивает руку. В процессе игры он моделирует (т.е. умственно воссоздает) разные ситуации, планирует свои ходы и просчитывает ходы партнеров — учится до известной степени предвидеть развитие событий. В игре он также примеряет к себе разные роли: ребенка, родителя, врача, просителя, шута, солдата (воина), командира (начальника) и т.д. В значительной мере благодаря игре он формирует свое окружение: подбирает себе знакомых, друзей, врагов, быть может, даже мужа или жену... В самом деле, ведь игра, как мы ее понимаем, — это не только партия в домино или заполнение карточек «Спортлото», а еще и приглашение на танец, и ухаживание за невестой, и даже свадебный ритуал... Надо ли еще распространяться о том, как важна игра для человека? И так ясно: это часть его общественной сути, его неотъемлемая социальная функция. Говоря проще, без игры человек не был бы человеком.

Есть ли у игры какие-то общие, универсальные свойства? В классической работе голландского мыслителя Й. Хёйзинги «*Homo ludens*» (Человек играющий) говорится: игра — это деятельность, осуществляемая по определенным правилам, в определенном времени и пространстве. Вместе с тем она противопоставлена обыденной жизни, не связана напрямую с биологическими процессами, без нее вроде бы можно прожить.

В этом смысле игра не приносит непосредственной пользы, это своего рода излишество, дополнение к природным процессам. Зато она доставляет человеку удовольствие или удовлетворение.

Это и есть достойная плата за те старания (напряжение, риск), которые связаны с игрой. (Не случайно, заметим, игра часто сопровождается тайной, опасностью, риском; играя, человек может забыть обо всем на свете!)

Все это — общие свойства игры как таковой. Что же касается игры словесной, игры в языке, то здесь следует подчеркнуть некоторые ее отличительные черты.

Во-первых, эта игра обязательно содержит эстетический момент. Удовольствие, которое испытывают говорящий и слушающий, не исчисляется в рублях или призах, а заключается в ощущении красоты и изящества сказанного. Кто-то из великих физиков заметил о современной ему теории: она недостаточно красива, чтобы быть истинной. Так вот, языковая игра должна быть красивой — в этом ее правда, ее право на существование. Приведем в связи с этим еще одно свидетельство. Великий английский политик сэр Уинстон Черчилль обладал даром сочинять тексты, завораживавшие аудиторию. «Чем изящнее удавалось выразить ему ту или иную мысль, тем сильнее настаивал он на ее абсолютной верности. Кажется, он находил бесспорным любое соображение, воплощенное в привлекательную форму» («Известия». 1998. 10 июля).

Тут мы невольно соприкасаемся с одной из великих философских проблем: действительно ли красота внутренне связана с истиной (и потому именно она «спасет мир»)? Оставим сию отвлеченную проблематику философам и моралистам. Но заметим, что она имеет и чисто филологическое преломление: софизмы, парадоксы, метафоры, гиперболы и прочие фигуры речи — помогают ли они общению или затрудняют его? В применении к конкретным случаям этот вопрос может получить и вовсе неожиданный вид: а всегда ли эти красоты языка уместны? Встречаются люди — наверное, каждый припомнит себе хоть один такой пример, — которые «словечка в простоте не скажут, всё с ужимкой». Для них языковая игра — привычная стихия, вторая натура, и трудно понять, говорят ли они всерьез или дурачатся и треплют языком. Вот как описывал такой «характер» (тип людей) французский моралист XVII века Жан де Лабрюйер: они придают словам «не

свойственный им смысл и сочетают их в несочетаемые выражения. Они говорят не так, как подсказывает разум или обычай, а как им взбредет в голову, и, подстрекаемые желанием блеснуть, неприметно создают свое собственное, особое, небывалое наречие... При этом они неизменно довольны собой и своим остроумием: в остроумии им, пожалуй, не откажешь, но оно так убого и, более того, так неприятно, что уж лучше бы его не было совсем». Действительно, такого собеседника приятным не назовешь: он утомляет своим пустым красноречием, вычурностью своих высказываний. Игра ведь тем и хороша, что существует на фоне не-игры: серьезной и обыденной деятельности, в том числе деятельности речевой. Так что можно вспомнить по данному поводу старую истину: все хорошо в меру, в том числе и языковая игра.

Вторая отличительная особенность языковой игры — это то, что она очень часто сопряжена с комическим эффектом. Конечно, у нее могут быть и более «возвышенные» цели — например, в текстах поэтических или магических (заклинаниях, заговорах и т.п.), но сплошь и рядом языковая игра нацелена на то, чтобы просто позабавить собеседника, развеселить, рассмешить его. В зависимости от конкретной ситуации это намерение принимает вид словесной остроты, каламбура, шутки, анекдота и т.п. И тут языковая игра — только одно из средств создания комического, она «сотрудничает» с целым рядом приемов, с помощью которых достигается юмористический эффект. Это, в частности: намеренное искажение, пародирование, передразнивание какого-то явления, преувеличение, нагромождение, выпячивание каких-то черт, вырывание, изъятие предмета из его привычной среды, столкновение несоединимых предметов или черт, например «высокого» и «низкого», вообще снижение образа, его упрощение, вульгаризация, обманывание ожидания и т.п.

Все эти приемы, разумеется, свойственны не только словесному творчеству, они проявляются и в разных жанрах изобразительного искусства (шарж, карикатура), музыки (музыкальная шутка, бурлеск), цирка (клоунада) и т.д.

И все же смешное смешному рознь. Одно дело — остроумные афоризмы и тонкие эпиграммы, а другое — языковое баловство,

«кривлянье». В первом случае говорящий апеллирует к интеллектуальному опыту и способностям слушающего, второй же случай сродни гримасничанью и паясничанью. Например, если мы читаем шуточные определения вроде *Любовь — это эгоизм вдвоем* или *Коза — корова бедняка*, то понимаем, что их автор рассчитывает на определенную «встречную» умственную работу, на сравнение с иными определениями, на удовольствие от неожиданности или парадоксальности афоризма... А если говорящий произносит «Чаво?» вместо *Что?* или «десять рублёв» вместо *десять рублей* (хорошо зная, что надо сказать иначе), то он как бы подмигивает нам: «Конечно, я знаю, что это неправильно, что так сказать нельзя, но мы-то люди взрослые и независимые, к тому же принадлежащие к одному кругу, а потому можем позволить себе вольность и сумеем по достоинству ее оценить». Конечно, сильно оригинальными такие речевые отклонения не назовешь, но и особых усилий в их понимании и употреблении не требуется...

В научной литературе предлагается даже терминологически разграничить эти два вида языковой игры: первый называют острословием, второй — балагурством (такие термины вводятся, в частности, в коллективной монографии «Русская разговорная речь». М., 1983). Вот только на практике разграничить их не всегда легко. Если, к примеру, говорящий образует, вопреки запретам, какое-то новое слово вроде «отъезжант» или «вдолгожитель», — что это, острословие или всего лишь балагурство?

Впрочем, игра слов вообще считается довольно простым способом достижения комического эффекта. Вот как писал шотландский философ XVIII в. Генри Хоум: «Этот род остроумия зависит большей частью от выбора слова, имеющего несколько значений; благодаря ему становятся возможны различные языковые трюки и простые мысли приобретают совершенно иной вид. Игра необходима человеку как отдых после трудов; поэтому человек любит игру настолько, что наслаждается также и игрой слов... Примечательно, что этот низший род остроумия был излюбленным развлечением всех народов на известной ступени развития у них вкуса, но постепенно утратил это почетное место» («Основания критики»).

По мнению Хоума, языки со временем становятся все более точными в выражении значений, это ограничивает возможности языковой игры, постепенно сводит ее на нет. Слава Богу, философ ошибся. Языковая игра — неизбежный спутник любого естественного языка; это, как уже говорилось, вечная потребность человеческого духа...

Третья особенность языковой игры заключается в том, что в основе ее лежат некоторые внутренние, «природные» свойства самого языка — его строения и функционирования в обществе. В самом деле, стоит задуматься: ведь языковая игра — это постоянное нарушение каких-то правил или, как мы выразились, балансирование на грани нормы. И в то же время сами эти нарушения не бессистемны и случайны, а также происходят по определенным правилам, подчиняются некоторым закономерностям (потому их нетрудно разложить по полочкам). Как это объяснить?

Дело в том, что язык изначально содержит в себе глубинные, неразрешимые противоречия. Это и создает основания для различного рода отклонений, размывает, «смягчает» систему. Вспомним, с каким количеством исключений из грамматических правил нам приходится сталкиваться в школьном курсе русского языка! А лексика, т.е. словарный запас? Ведь тут что ни слово — то свое, особенное значение, подчас с трудно уловимыми оттенками... И признаемся себе: если бы мы располагали неограниченным временем (например, при изучении или преподавании языка) и неограниченным пространством (например, неограниченной бумажной площадью при издании книг), то количество этих исключений и особенностей выросло бы во много раз! Просто мы вынуждены закрывать глаза на многие и многие сложности в языке, представлять его в книгах и на уроках более простым и «более системным», чем он есть на самом деле, — и в этом уже скрывается неразрешимое противоречие.

Получается, что язык, при всей его системности, — очень уж своеобразная система: сложная, «мягкая», противоречивая. А языковая игра все эти противоречия безжалостно вскрывает и показывает нам: вот они, исключения и отклонения, вот они, языковые сложности! И в этом, может быть, самая большая польза от изучения того феномена, которому посвящена данная книга. Да-

лее мы и постараемся систематизировать многообразные случаи языковой игры в соответствии с теми глубинными противоречиями, которые определяют природу языка. Иллюстративным же материалом для нас послужат факты современного русского литературного языка — в первую очередь цитаты из художественных текстов, а также примеры из публицистических изданий, разговорной речи, городского фольклора.

ЯЗЫКОВОЕ ЗАЗЕРКАЛЬЕ

Начнем мы наш обзор с наиболее фундаментального противоречия, которое уходит своими корнями в общественную природу языка. Известно: язык отражает действительность, с его помощью человек сообщает о чем-то, что происходит в мире (в том числе и в самом человеке). В этом смысле язык вторичен, производен от реальности. Слово *стол* потому и существует, что в реальном мире существует предмет стол (точнее говоря, некоторое множество сходных предметов) и для человека важно выделить этот предмет из массы других. Не было бы самого стола — не было бы и соответствующего слова — кажется, все ясно?

На деле же все обстоит значительно сложнее. Наше средство общения — язык — обладает достаточной самостоятельностью. Его значения нередко «замыкаются на себе» (т.е. за ними, случается, не стоит никаких объективных реалий), его правила не мотивированы непосредственно миром вещей, его классификации идут вразрез с объективными природными признаками... Получается, у языка — своя собственная система, своя жизнь. А человек, пользующийся языком, должен по мере возможности совмещать эти две системы — языка и реальности, согласовывать их между собой. Хотя бывает, что по каким-то причинам он не может или не хочет этого делать, и тогда «зазор» между миром слов и миром вещей увеличивается, а в конкретном случае может даже стать так, что человек, утрачивая под ногами почву реальности, частично «переселяется» в мир языка.

Приведем пример из художественной литературы. Девочка, будучи в восторге от стихотворения М. Лермонтова «Русалка», читает его своей сестре:

«Русалка плыла по реке голубой,
Озаряема полной луной;
И старалась она доплеснуть до луны
Серебристую пену волны... и т.д.

— Ну? Ну, хорошо? — нетерпеливо спросила я Муську, закончив чтение.

— Ага, — ответила она басом и, помолчав, сурово спросила: — Лялька! А лобзанья и перси — это чего?

Я растерялась, но лишь на мгновение.

— Ну, дура... Ну как ты не понимаешь? Это такие цветы, необыкновенные, подводные... чудеса морские... или такие, знаешь, большие золотые рыбки...» (О. Берггольц. «Дневные звезды»).

Можно, даже не делая скидки на возраст сестер, согласиться с героиней: слова здесь так прекрасны, так чарующи, что, право, не важно — что за ними стоит. В сущности, ведь и русалка — существо фантастическое, выдуманное; намного ли оно понятнее читателю, чем таинственные лобзанья и перси? Добавим, что и вполне взрослый человек, и не только по отношению к поэтическим текстам, позволяет себе иногда весьма произвольно трактовать значения слов (у нас еще будет возможность в этом убедиться).

Самый простой вид языковой игры, основанной на отношениях языка и действительности, — это когда название подменяет собой предмет, «слово и вещь меняются ролями» (М.В. Ляпон). Подобные фигуры речи нередки в художественной литературе. Вот один пример. Герой рассказа, тяжелобольной человек, постепенно утрачивает свободу передвижения. «...Уже ускользнул из власти его коридор, и в самой комнате, на глазах у него, прекратилось значение пальто, дверной задвижки, башмаков. Он знал: смерть по дороге к нему уничтожает вещи» (Ю. Олеша. «Лиомпа»). В этой цитате некоторые слова как бы отождествились, срослись с предметами; отсюда и обороты типа «значение пальто» и т.п. Еще несколько иллюстраций, уже без комментариев:

«И слово чудное “бутылка”
Опять встает передо мной.
Салфетка, перечница, вилка —
Слова, прекрасные собой...» (Н. Олейников. «На выздоровление Генриха»).

«...Мы с удовольствием отмываем слово “флакон” в тепловатой воде, любуясь идеей грани, пока из нее не сверкнет, мыльно и хрустально, луч детства...» (А. Битов. «Пушкинский дом»).

«Потом немного как бы отдохнул — два часа тяжелого, липкого сна. Причем спал почему-то не под одеялом, а на одеяле — падежи перепутал и предлоги...» (В. Попов. «Успеваем...»).

Тот же прием «игры слова с вещью» используется в малых жанрах литературы и фольклора — пословицах и афоризмах, загадках и шарадах, ср. следующие примеры:

«Из спасибо шубы не сошьешь» (пословица).

«Нельзя напиться словом “вода”, нельзя плыть по формуле H_2O » (афоризм, принадлежащий Алану Уотсу).

«Что находится посередине Земли?» (загадка; ответ — буква М).

«Когда старший пропускает вперед младшего?» (ответ — в словаре).

«Какое слово пишется всегда неправильно?» (ответ — *неправильно*).

«Как из реки сделать море?» (ответ: река — репа — ропя — роза — коза — кора — гора — горе — море).

«Первый слог метут метлой,
Глазом назову второй,
Третий резать хлеб годится,
А четвертый лишь частица» (шарада; ответ: *сороконожка*).

Еще одна сфера, в которой отношения слова и предмета свойственно «переворачиваться», — это область магии: верований, заклинаний, заговоров... Здесь слово становится полноценным представителем предмета. Если ты относишься к некоторому объекту с обожанием, не употребляй его имени всуе (впустую); если ты боишься предмета или ненавидишь его, постарайся его имя забыть. Да, существа и явления страшные, опасные, непознаваемые в древнейшем обществе подлежали словесному уничтожению. Это значит, на их названия налагался запрет (табу). Считалось, что если уничтожить имя (например, не произносить его, стереть из памяти, проклясть или, позже, сжечь бумажку с написанным на ней именем), то само явление исчезнет, канет в небытие, перестанет беспокоить.

А уж если сильно понадобится, то можно назвать его как-нибудь по-другому, «неопасно». (Такие «смягчающие» названия-

замены называются эвфемизмами.) Таким образом человек пробовал «бороться» со смертью, с болезнями, с хищными зверями... Между прочим, исторически эвфемизмами в славянских языках являются названия медведя (буквально «тот, кто есть мед») и змеи (буквально «земная», «ползающая по земле») — столь опасны были эти существа для древнего человека, что их изначальные названия забылись!

Если же вспомнить еще какие-то особые ситуации — выбор имени при рождении человека, переименование (например, при переходе из светской жизни в монашескую), употребление проклятий и заклинаний и т.п., — то становится ясно, что языковая игра довольно тесно «сотрудничает» с магической функцией языка. Вот, к примеру, как описывает И.П. Сахаров, знаменитый собиратель старинных обычаев, предновогодние гадания на Руси: «Собравшись все вместе, в один дом, девицы выходят на улицу: здесь каждая из них должна спрашивать об имени первого встретившегося ей человека. Они верят, что таким именем будет называться их суженый... Пересчитывают в лестницах балясы, говоря: “Вдовец, молодец”, и, доходя до последней, смотрят: на каком слове остановились, такой и будет муж». Случайно выпавшее слово становится здесь знамением судьбы.

Игра, основанная на «перепутывании» языка и действительности, может также иметь своей целью достижение чисто комического эффекта. Примером нам на сей раз послужит анекдот.

«Часовой стоит на посту. Кто-то идет.

— Стой! Кто идет? Скажи пароль!

— Пароль.

— Проходи».

Второй анекдот имеет своим источником детскую речь. Мальчик ябедничает:

«— А Вовка из коровника на ботинках плохое слово принес!»

Часто анекдоты и шутки строятся также на обыгрывании грамматических категорий (числа, времени, рода и др.), не совпадающих с категориями объективной действительности.

- «Преподаватель техникума спрашивает студента:
- В каком числе стоит слово *брюки*?
 - Верхняя часть в единственном, а нижняя — во множественном».
 - «— Как будет будущее время от глагола *жениться*?
 - Развестись».
 - «— Какого рода существительное *яйцо*?
 - Неизвестно, надо подождать, пока из него вылупится цыпленок».

В стремлении человека «продублировать» или даже вовсе подменить языком действительность могут играть роль и определенные объективные предпосылки: не только возраст, но и, скажем, психическая или даже национальная предрасположенность. Известный польский языковед Витольд Дорошевский вспоминал, как в свое время (дело было еще перед Второй мировой войной) его поразили в Германии аккуратные таблички над всем, что можно было поименовать. Этаким чиновнический зуд, страсть к инвентаризации. На почтамте, возле лестницы, красовалась табличка «Лестница». В другом месте стоял киоск, и над ним была вывеска «Киоск»...

Тот же Дорошевский рассказывает в своей книге о двух дамах, прогуливавшихся в парке по направлению к обзорной площадке (с которой открывался прекрасный вид). И одна из них, дойдя до таблички-указателя с надписью «К месту обзора», вздохнула: «Ах, вундершён!» («О, прекрасно!») — так, как будто этот прекрасный вид уже был у нее перед глазами. Можно было поворачивать назад...

Итак, человек подчас удовлетворяется словом (названием) там, где только должна была бы начаться его познавательная, исследовательская деятельность. И это не только смешно, иногда это порождает серьезные проблемы.

Так, в науке знание специального названия — термина — создает иллюзию знания предмета. «Знать имена вещей, — писал французский языковед Жозеф Вандриес, — значит иметь над ними власть... Знать название болезни — это уже наполовину вылечить ее. Нам не следует смеяться над этой первобытной верой. Она живет еще в наше время, раз мы придаем значение форме диагноза. “У меня очень голова болит, доктор”. — “Это цефалалгия”. “У меня плохо работает желудок”. — “Это диспепсия”. Этот

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru